

УДК 82

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ
«СОЛДАТСКОЙ СКАЗКИ» Б.А. САДОВСКОГО**

© 2015 г.

Ю.А. Изумрудов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

izumrud.nnov@mail.ru

Поступила в редакцию 19.05.2014

Рассматриваются аспекты проблематики литературной мистификации Б.А. Садовского «Солдатская сказка» на уровне топонимов «Красная площадь», «Арзамас». Впервые в отечественном литературоведении анализируются малоизвестные современному читателю произведения Б.А. Садовского «Ополченец», «Двойник», «Охота».

Ключевые слова: мистификация, сказка, проблематика, топоним, Красная площадь, Арзамас, Россия.

В 1926 году в «сменовеховском» журнале «Новая Россия» (№ 3) за подписью А. Блока появилась прозаическая «Солдатская сказка», которая вскоре была перепечатана в авторитетном двенадцатитомном Собрании сочинений поэта, среди его новонайденных произведений. В дальнейшем, однако, выяснилось, что к данному тексту А. Блок не имел ни малейшего отношения, это была литературная мистификация Б. Садовского. Последний в том же номере «Новой России» в кратком предисловии к публикации «Солдатской сказки», «растолковывал», что будто бы она была написана А. Блоком в порядке шуточного пари с ним в январе 1915 года, в духе «модного в те дни военного рассказа» [1, с. 89–90].

В основе мистификации Б. Садовского – творчески переосмысленная им народная сказка о Наполеоне, об отразившихся в фольклоре причинах войны 1812 года, записанная священником Петром Словцовым в 1848 году в Пермской губернии. По сюжету сказки русский император Александр I поддается на коварную уловку Наполеона – принять у себя, в столице, двенадцать его «генералов-маршалов», целый год кормить-поить их, да чтоб непременно «подавать им столовую посуду из чистого серебра» [1, с. 89–90]. Прибыли генералы-маршалы и стали после каждой трапезы и посуду поедать. В результате в государстве возникла катастрофическая нехватка серебра, не из чего стало монеты чеканить. Спас Отечество от унижения и позора некий Лентяй-Заспиха. Пovyтряс из маршалов все серебро, после чего их окунули в котел с кипящей смолой, в гусяном пуху вывалили и спровадили с Русской земли. Разгневался Наполеон и пошел на Россию войной. И потерпел поражение.

«Солдатская сказка» не привлекла скольконибудь серьезного внимания критики, не сумевшей понять истинную направленность мистификации. (По сути, есть лишь одна статья С.В. Шумихина «Мнимый Блок?», однако она затрагивает, в основном, историко-архивные аспекты; с ней мы в ряде случаев будем соотносить наши выводы). По нашему глубокому убеждению, «Солдатская сказка» есть полемический отклик монархиста Б. Садовского на знаменитую революционную поэму А. Блока «Двенадцать»

2

В первоисточнике «Солдатской сказки», в тексте П. Словцова, спаситель Отечества от «наполеоновых обжирал» поп-расстрига (который в итоге под пером Б. Садовского перевоплотится в лентяя Заспиху) советует царю Александру Павловичу посрамление непрошенных гостей произвести публично, при большом стечении народа, «на какой-нибудь площади» [2, с. 433] (курсив наш. – Ю.И.) Разве мог Б. Садовской при его всегдашней склонности к точной, колоритной и, конечно же, каверзной детали оставить это «на какой-нибудь»? И в его пересказе появляется Красная площадь. «Ну так что ж? – может сказать нам на это читатель. – Ничего особенного! Красная площадь – главная площадь города. Издавна все судьбоносные акции вершились на ней». Но ведь Красная площадь, как всем известно, в Москве, а действие в сказке разворачивается в Питере! Авторский недосмотр? Исключено! Б. Садовской все продумывал до мелочей. Или же принималось в расчет, что зачастую в народном сознании и Москва, и Питер представляются в образе еди-

ной столицы с главной – Красной – площадью (ведь великий реформатор Петр Первый, основатель Петербурга, головы стрельцам рубил на Красной площади, – и страшная память об этом разнеслась по всей Руси и навеки связалась с именем Петра)? Но в том-то и дело, что в сочиненной народом сказке не Красная, а какая-нибудь площадь. Меж тем история топонимики северной столицы гласит, что Красной с 1923 по 1953 годы именовалась бывшая площадь Александра Невского. И выходило, что неким мистическим образом события сказки приурочивались к послереволюционному времени: из Ленинграда, из Советской России, изгонялись враги русского народа, блоковские красногвардейцы-большевики (а ведь именно на них намекает Б. Садовской образами «наполеоновых сереброедов»). Отметим еще, что само бытование в родном для А. Блока городе Красной площади является еще одним подтверждающим фактом того, что «Солдатская сказка» написана отнюдь не в 1915 году, а позднее, в 1920-е годы (точнее, после 1923 года). И, стало быть, уже только в силу данного обстоятельства А. Блок никак не мог быть ее автором (он, как всем хорошо известно, умер в 1921-м...) И на этот казус с названием площади никто не обратил внимание: ни редактор «Новой России» А. Лежнев, ни тесно общавшийся с ним редкостный знаток творчества автора «Двенадцати» А. Белый, горячо ратовавший за публикацию «Солдатской сказки», ни редактор Собрания сочинений А. Блока В.Н. Орлов... Словно подпали они под магию блестящего мистификаторского искусства Бориса Садовского. И так именем А. Блока, первого поэта Революции, был освящен мощнейший удар по утверждавшейся тогда на Руси большевистской ленинской идеологии. То, что мы не располагаем документальными свидетельствами, что именно так все и было осознано кем-то из мыслящих людей, вовсе не означает, что такого осознания не было. Не случайно ведь вещей, по характеристике Б. Садовского, поэт Ф. Тютчев обмолвился некогда:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется... [3, с. 217]

Стиль «Солдатской сказки» резко отличен от того, что писал А. Блок. По всему видно: это не его рука. Возникает вопрос: а почему же тогда, приписывая свое сочинение А. Блоку, Б. Садовской не озаботился имитацией писательской манеры последнего? Стилизаторское чутье отказало ему? Согласимся с архивистом С. Шумихиным в следующей части его рассуждений: «Садовской мистифицировал мистификацию

же, то есть имитировал не имевшую места в действительности мистификацию А. Блока (написанный якобы на пари рассказ, в котором автор намеренно хотел сохранить инкогнито). Нельзя не признать, что такой прием во многом облегчает «работу» мистификатора и дает ему своего рода карт-бланш. Можно не утруждать себя подражанием Блоку: пусть «Сказка» стилистически, лексически и тематически весьма далека от того, что он писал, – можно сослаться на то, что непохожесть эта заранее задана, что именно так все было задумано и исполнено автором. Желанием Блока сохранить инкогнито можно объяснить и отсутствие авторской рукописи» [4, с. 740].

Что же касается стилистики финала «Солдатской сказки», то, на наш взгляд, С. Шумихин дает ошибочное толкование: будто изначально мистификаторская сущность «Сказки» ориентировала и на «оправдание чуждого Блоку (но свойственного Садовскому) «ура-патриотического» характера концовки <ее>, не имеющей аналога в народном прототипе: «Было с Наполеоном четьреста миллионов войска, со всего свету народ собрал, и все против одной нашей Россиюшки. Да не вышло ихнее дело вовсе. Что ни пальнет француз из пушки, то и мимо, а мы как ахнем, так миллион долой» [4, с. 740]. Во-первых, ничего ура-патриотического в предложенном Б. Садовским варианте нет. В сказках ведь обычное дело, когда герой, призванный на правое дело защиты родной земли и, стало быть, хранимый самой судьбой, побивает несметное количество врагов. А отсутствие у П. Словцова подобной картины торжества над неприятелем еще ничего не значит – это, так сказать, отдельно взятый текст, да и в нем, впрочем, безусловный победный итог, пусть и без гиперболической образности, четко явлен: «А Бог-от веть не попустил же ему (Наполеону. – Ю.И.) завладеть нашим восударством; он же разорился, а мы божьей милости да по восудареной великой силе и теперь живем спокойно. Дак вот <...>, как-ие хитрые были люди у покойного восударя нашова Олександры Павловича...» [2, с. 434] Во-вторых, и художественному мышлению Б. Садовского в целом не был свойственен никакой ура-патриотизм. Взять, к примеру, его рассказы того же 1915 года (к которому отнесена была Б. Садовским и «Солдатская сказка») «Ополченец» и «Двойник», увидевшие свет на страницах журналов «Нива» и «Лукоморье» и в дальнейшем не перепечатывавшиеся (и не становившиеся пока еще предметом внимания литературоведов). Они вполне подходили под жанр, по слову самого Б. Садовского, «модного в те дни военного рассказа» [1, с. 89–90]. Были

тут и едва ли не обязательные в таких случаях мысли о «великой войне», что «родит героев <...>, делает эгоистов самоотверженцами, выпрямляет нам наши нравственные горбы и целит духовную немощь» [5, с. 59–60], – и при этом ни слова об ура-героике, ничего пафосного (а уж тем более шапкозакидательского). Акцент на частных человеческих судьбах, трагических судьбах. И за всем читателю слышится: «Memento mori».

Неверен, на наш взгляд, и довод С. Шумихина относительно места жительства избавителя Отечества от супостатов-обжирал. Изначально в рукописи «Солдатской сказки» значилось: «А был у нас в Арзамасе расстрига-поп, и шел тот расстрига по базару, нес луку головку да полуштоф сивухи...» Правя текст, в процессе подготовки к публикации, Садовской заменил Арзамас на Калугу. С. Шумихин это объяснил следующим образом: «Садовской хотел вначале дать скрытый намек на игровой, мистификаторский характер «Солдатской сказки», рассудив, что у немногих посвященных «Арзамас» должен ассоциироваться с известным литературным обществом, в деятельности которого пародии и мистификации отводилось почетное место. Но впоследствии отказался от этого намерения, заменив Арзамас нейтральной Калугой» [4, с. 730–740]. Едва ли все было так. Да и зачем, собственно, Б. Садовскому намекать на то, что «Солдатская сказка» – его мистификация? Чтобы у кого-то появились подозрения на этот счет? – ведь и без того в ней, как уже выше сказано, ничего блоковского нет. Арзамас здесь вовсе не от названия литературного общества. Это характернейшая примета Нижегородчины, малой родины Б. Садовского, его главного художественного образа. Во многих произведениях его явлены как Нижний Новгород, так и самые разные города и городки, поселки, деревни Нижегородской губернии: тот же Арзамас, Ардатов, Лукоянов, Сергач, Васильсурск, Макарьев, Керженец, Личадеево, Ройка, Щербинка... Это место жительства персонажей, это земля их предков, предопределившая жизненную судьбу, призвание, счастье – быть русским, гражданином великой державы. В художественном мире Б. Садовского своей, кровной почитают Нижегородчину и уроженцы иных регионов России, и даже иностранцы: она исцеляет раны, наделяет силой, дарует Веру, Надежду, Любовь. Нижегородчина для Садовского – символ провинции как таковой, хранительницы национальных устоев и традиций. Отсюда пошло знаменитое Народное ополчение Кузьмы Минина, спасшее Россию в смуту начала XVII века. И благодарная память об этом пребудет с Нижегородчиной

навсегда. И вот, намекает сказкой своей Б. Садовской, спустя три века снова смута, и снова надежда лишь на то, что там, во глубине России, найдутся умные честные люди, патриоты, и уберегут от злокозненных врагов, как внутренних, так и внешних, завещанный еще предками державный православный мир. Именно такого сокровенного смысла исполнено в обработанной Б. Садовским народной сказке избавление Руси от наполеоновых сереброедов выходцем из Нижегородчины, Арзамаса. Отметим при этом и следующий факт, способствующий такому пониманию концепции Б. Садовского: в первоисточнике П. Словцова нет упоминания ни о каком Арзамасе, вообще ничего не говорится о том, откуда явился в столицу поп-расстрига...

Но тогда, если столь важный для Б. Садовского Арзамас никак не связан был с названием литературного общества начала XIX века, а следовательно, исключался тут намек на мистификацию, почему же в итоге он был заменен на Калугу? А потому, что в другом контексте намек таковой действительно прочитывался... Как бы резко ни изменилась с послереволюционных времен жизнь в России, в литературных и читательских кругах Б. Садовского, с его ярко выраженными нижегородскими пристрастиями, помнили. К. Чуковский, к примеру, писал: «Тихий самоварный уют, провинциальная домовитость, семейственность были <...> его уделом. Связанный всеми корнями со своей нижегородской усадьбой Романовкой, со своим домом и садом, он бывал в столицах лишь наездами и чувствовал себя здесь чужаком. Не проходило и месяца, как его уже тянуло обратно – к своему родному самовару» [6, с. 668].

Мемуаристами как характерная черта житейского бытия Б. Садовского отмечалась его всенепременная потребность в главные православные праздники, при всей занятости, быть в родных палестинах. Удивительно ли, что даже в коротеньком предисловии к «Солдатской сказке» он не преминул написать, что, отчаявшись опубликовать ее, уезжает на Пасху в Нижний (здесь, кроме всего, многозначительно упоминание Пасхи в атеистической стране – как намек на неизбежное грядущее воскресение, возрождение прежней России). Понятно, что в поле всех этих обобщений арзамасский, нижегородский аспект в тексте, приписываемом петербуржцу А. Блоку, да еще с акцентной добавкой «у нас» – «у нас в Арзамасе», – не мог не навести читателей на нежелательные для Б. Садовского мысли и, что называется, выдать его с головой. И потому вместо Арзамаса появилась Калуга и соответственно аннулировалось «у нас». Б. Садов-

ской оставался верен себе даже в мистификации, – и потому применительно к неродной Калуге он, по сути, на уровне подсознания уже, инстинкта, не мог сказать «у нас».

Десятилетие спустя, когда Б. Садовской сочинял, уже не сковывая себя никакими мистификаторскими задачами и на оригинальной основе, нечто близкое к «Солдатской сказке», он вернулся к названию Арзамас. Этим «нечто» стала включенная в структуру не предназначавшегося по идеологическим причинам к публикации (в тех условиях) романа «Охота» (совершенно не исследованного пока еще в нашем литературоведении произведения) и объясняющая с народной точки зрения причины уже Крымской войны 1853–1856 годов сказка «об аглицком алистократе милорде Макинтоше». Милорд этот в обобщенном смысле представляет собой как бы соответствие двенадцати серебрядам. И если последних с злокозненной целью послал на Русь Наполеон, то Макинтоша, соответственно, правительница Англии, королева (впрямую о том, что Макинтош оказался в Питере по таковому ее волеизъявлению, не говорится, однако легко угадывается).

И вот Макинтош в Палкинском трактире одного за другим стал обыгрывать русских на бильярде. В том числе и большого специалиста по этой части – армейского ремонтера Подсупонина, даром что «ремонтёры, чай знаете сами, какой народ: бутылку рому осадит, а горлышко отгрызет да и схрупаёт заместо закуски» (как видим, здесь кое-что и буквально перенесено из «Солдатской сказки»). «Тут уж весь Питер заголосил: этого дела оставить невозможно, срамота на всю Европу». Решили попробовать лебедянского маркера Егорку. «Полетели в Лебедянь на воздушном шаре. Был этот самый шар на случай войны сработан при Петре Первом и содержался на Монетном дворе под замком. На нем только один Суворов на Черное море летал Пугачева брат. Хорошо. Утром полетели, в обед вернулись. <...> Что ж ты думаешь: опять не повезло: проиграл Егорка». Докладывают Государю: нет игрока, могущего победить алистократа-милорда. « – Как, чтобы у меня, в России, да не было игроков? Сыскать сейчас же. – И нашли. <...> корявого, косоглазого мужичонку в красной рубахе». И тот вчистую обыграл англичанина, который совсем было зазнался и ставку в миллион назначил. Не снес такого унижения алистократ-милорд: «Из двух пистолетов сразу оба виска рассадил». А послу своему в Питере, который «цельный год со злости хворал, <...> королева отставку прописала: какой-де ты посол, коли нашу честь поддержать не можешь» [7]. ...Ну и реакция

англичан не заставила себя ждать, и неминуемой стала война с ними. Крымская война...

В сказке, собственно, войны еще нет, но она ощущается (простым народом, кстати, но не знаю, и это особо подчеркивает автор). И вот по романному сюжету – а пройдет лишь день, как будет рассказана сказка, – объявится во всеуслышанье: «Война неизбежна». На этом сохранившаяся в РГАЛИ рукопись романа обрывается. Листы с окончанием романа утеряны... А впрочем, не исключено, что сам автор посчитал их излишними, мало что добавляющими к идейному смыслу произведения. Ведь и так ясно, что далее... Поражение России в войне... И кстати здесь будет добавить: мыслью о роковом будущем России пронизаны и другие произведения, писавшиеся, как и «Охота», в последний период творческой деятельности Б. Садовского (повесть «Александр Третий», роман «Пшеница и плевелы»). Объясняется это тогдашней его идеологической позицией. Ведь если в конце 1910-х – в 1920-е годы Б. Садовской верил, что революция и большевики – это временное и все вернется на круги своя, и Россия будет прежней, державной, монархической (что, в частности, и отразилось в романе «Шестой час» и «Солдатской сказке»), то далее, увы, пришло понимание тщетности всего этого: «Стою на рубеже совсем новой жизни. Прежде всего я сознаю, что прошлое навеки кончилось, что Русь погребена безвозвратно, причем на ее могиле не крест даже вбит, а осиновый кол. Отсюда выводы: если Россия умерла, умер и я»; «...разрушение могилы Гоголя безвозвратно убедило меня, что все кончено. России больше нет и никогда не будет» [8, с. 183–191]. В финале «Охоты» – начинающаяся Крымская война, а на уровне подтекста, в перспективе, и катаклизмы 1917 года. Все это звенья одной цепи. В глобальных бедах России, глубоко убежден автор, повинна прежде всего нигилистическая и «беспочвенная» интеллигенция. Потому-то и вводится в «Охоту» сцена с наказанием попавича за то, что сочинял и распространял ложь о русском человеке, защитнике Отечества, «присяжном солдате» – противное уже по нравственному уроку сказке о посрамлении Макинтоша (и важно, что от имени творца и рассказчика ее и вершится как раз наказание): «А вот шел солдат домой со службы. Приходит на село к бобылке. Видит, старуха богатая. Поставил полуштоф. Выпили солдат со старухой и ну плясать. Служивый-то пляшет, а сам приговаривает: у солдата деньги в ранце! А старуха вприсядку визжит: а у меня на дворе, на дворе да на коле! Солдат смекнул делом; ночью нашел на дворе кол, а там в дуплежке деньги. Забрал, да и марш» [7].

За всем этим без труда прочитывается: из поповичей, по концепции автора, были самые ярые ниспровергатели отечественных православно-нравственных ценностей, глубоко чуждые народу интеллектуалы-демократы, и прежде всего Н. Чернышевский и Н. Добролюбов, с которыми Б. Садовской еще с дореволюционных времен полемизировал многократно.

Важным будет, однако, заметить и следующее: изложенное здесь – лишь одна сторона вопроса, есть и другая, едва ли не более важная. При всем безотрадном порой пессимизме в отношении судьбы России, а стало быть, и своей, Б. Садовской был внушаем свыше и иным: «Земля, обтачиваясь в беге вместе с моим телом, оставляет цельным мой дух. Дух сильнее солнца, ибо он бессмертен, а оно нет. В духе заключены и солнце, и земля, и движение, и бесконечность, и он сам. Поэтому он – Гений. <...> Атомы мыслей и воспоминаний вечно при мне и только ждут моего зова, чтобы ожить. И вот я их вызываю. Гений мой! Бессмертие мое!» [8, с. 181–182]. И символичным видится тот факт, что одними из последних, венчающих творческий путь Б. Садовского произведений стали переложения псалмов с их мыслью-рефреном:

Господь путь верных разумет,
А нечестивые падут [9, с. 182].

В общих чертах концепцию Б. Садовского-художника последнего, самого зрелого периода творчества, можно представить так: да, в существующей системе координат эмпирически Россия прекратила путь свой, но идея ее нетленна; истинная Россия там, в сверхреальности, что вовсе не мираж, не фантом, а бытие, творимое каждым открывшим для себя завет свыше.

В произведениях Б. Садовского диалог всегда – спор двух правд: личной, субъективной, ограниченной переходящим, и всеведущей – и конечное торжество последней. Поэтому и сказка о причинах Крымской войны в романе о неизбежности поражения России в этой войне заканчивается-таки русской победой – уже упомянутого «корявого косоглазого мужичонки», по имени Перфишка Косой, сбившего спесь с милорда Макинтоша. Ну а то, что в Крымскую Россия проиграла, – не сумели найти должного применения талантам и мастерству таких, как Перфишка Косой (и – вспомним Н. Лескова – Левша). Но будет еще время – они проявят себя.

И в довершение разговора о сказке в романе «Охота»: победитель аглицкого алистократа Перфишка Косой оказался уроженцем нижегородского Арзамаса, как и герой «Солдатской сказки», ее допубликационного варианта, что только укрепило нас в убежденности в органичности названия этого городка в топонимике художественного

мира Б. Садовского и соответственно в ошибочности довода С. Шумихина относительно мистификаторской игры в связи с одноименным литературным обществом начала XIX века.

3

Однако и Калуга в журнальном тексте «Солдатской сказки», вновь оспорим мы С. Шумихина, вовсе не «нейтральная». Название этого губернского города в качестве вынужденной замены Арзамаса избрано отнюдь не произвольно, не случайно; оно в контексте все того же важнейшего образа-символа в системе художественных, да и житейских ценностей Б. Садовского – русской провинции, глубинной России, созидательницы и хранительницы православных державных устоев и традиций. Через соотнесенность с этим образом в «Солдатской сказке» разрешается целый комплекс актуальных для Б. Садовского мировоззренческих проблем, и прежде всего неприятие теории прогресса и в связи с этим идей отечественных прогрессистов, от В. Белинского до В. Ленина. Явная проекция главного персонажа «Солдатской сказки», провинциала лентяя Заспихи, на образ гончаровского Обломова, любимейшего героя Б. Садовского из мира русской классики, открывает широкое поле для раздумий относительно двух векторов развития России, которые условно можно представить как обломовский (славянофильский, почвеннический) и штольцевский (западнический). Метатекстовое прочтение «Солдатской сказки» позволяет выявить ее глубинную переключку (в плане как притяжения, так и отталкивания) с произведениями М. Ломоносова, А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Кольцова, П. Ершова, А. Фета, Н. Чернышевского, Н. Лескова...

Список литературы

1. Блок А.А. Солдатская сказка // Новая Россия. 1926. № 3. С. 89–92.
2. Сказка о Наполеоне // Записки Русского императорского географического общества. Отделение этнографии. Т. 41. Пг., 1914. С. 430–434.
3. Тютчев Ф.И. Лирика: В 2 т. М.: Наука, 1966. Т. 1. 448 с.
4. Шумихин С.В. Мнимый Блок? // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М., 1987. С. 736–751.
5. Садовской Б.А. Ополченец // Нива. Литературные и популярно-научные приложения. 1915. № 5. С. 55–60.
6. Чуковский К.И. Современники: Портреты и этюды. М.: Молодая гвардия, 1962. 704 с.
7. Садовской Б.А. Охота [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/redport/hunt01.php>
8. Садовской Б.А. Заметки. Дневник (1931–1934) // Знамя. 1992. № 7. С. 172–194.
9. Садовской Б.А. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. СПб.: Академический проект, 2001. 398 с.

ON SOME ISSUES RAISED IN «SOLDATSKAYA SKAZKA»
(THE SOLDIER'S TALE) BY B. SADOVSKOY

Yu.A. Izumrudov

The article discusses some aspects of the issues raised in the literary forgery by B. Sadovskoy «Soldatskaya Skazka» (The Soldier's Tale) at the level of the toponyms «Red Square», «Arzamas». For the first time in the Russian study of literature, an analysis is presented of B. Sadovskoy's writings little known to the contemporary reader: «Opolchenets» (The Member of the Militia), «Dvoynik» (The Double), «Okhota» (The Hunt).

Keywords: literary forgery, tale, issues, toponym, Red Square, Arzamas, Russia.

References

1. Blok A.A. Soldatskaya skazka // Novaya Rossiya. 1926. № 3. S. 89–92.
2. Skazka o Napoleone // Zapiski Russkogo imperatorskogo geograficheskogo obshchestva. Otdelenie ehtnografii. T. 41. Pg., 1914. S. 430–434.
3. Tyutchev F.I. Lirika: V 2 t. M.: Nauka, 1966. T. 1. 448 s.
4. Shumihin S.V. Mnimyj Blok? // Literaturnoe nasledstvo. T. 92. Kniga 4. M., 1987. S. 736–751.
5. Sadovskoj B.A. Opolchenec // Niva. Literaturnye i populyarno-nauchnye prilozheniya. 1915. № 5. S. 55–60.
6. Chukovskij K.I. Sovremenniki: Portrety i ehtyudy. M.: Molodaya gvardiya, 1962. 704 s.
7. Sadovskoj B.A. Ohota [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.nasledie-rus.ru/redport/hunt01.php>
8. Sadovskoj B.A. Zametki. Dnevnik (1931–1934) // Znamya. 1992. № 7. S. 172–194.
9. Sadovskoj B.A. Stihotvoreniya, rasskazy v stihah, p'esy i monologi. SPb.: Akademicheskij proekt, 2001. 398 s.